Е18/92

М. СЛѢПЦОВА.

У ОСТЯКОВЪ.

„Книжка за книжкой“, кн. 127-ая.

Цѣны означены

„КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ".

безъ пересылки.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ (кн. 1—80). Цѣна всей серіи 11 р.

I. Повѣсти, разсказы, драматическія произведенія.

1. Маминъ, Д. Н. *Вольный человѣкъ.* 5 к. **2. Маминъ, Д. Н.** *Кормилецъ.* 7 к. **3. Маминъ, Д. Н.** *Въ ученьи.* 10 к. **4. Станюковичъ, К. М.** *Куцый.* 10 к. **5. Савихинъ, В. И.** *Аникавоинъ.* 15 к. **6. Прусъ, Б.** *Михайло-простота.* 7 к. **7. Оржешко, Э.** *Юліанка* 10 к. **8. Оржешко, Э.** *Ходатай.* 12 к. **9. Оржешко, Э.** *Въ зимній вечеръ.* 8 к. **10. Сенкевичъ, Г.** *Побѣдитель.* 10 к. **11. Сенкевичъ, Г.** *За моремъ.* 7 к. **12. Зандъ, Ж.** *Маленькая колдунья.* 10 к. **13. Мериме, Пр.** *Черный царь.* 8 к. **14. Сентинъ.** *Малютка.* 15 к. **15. Лоти, П.** *Рыбаки.* 10 к. **16. Іенсенъ.** *Королева шведская.* 10 к. **17. Уйда.** *Барчукъ.* 8 к. **18. Уайтъ.** *По совѣсти.* 10 к. **19. Ауэрбахъ.** *Какъ громоотводъ ставили.* 8 к. **20. Лаффранъ.** *Жизнь за ласку.* 10 к. **21. Бьернсонъ.** *Славный парень.* 10 к. **22. Диккенсъ.** *Три дня.* 10 к. **23. Круммахеръ.** *20 притчъ.* 10 к. **24.** *Услуга за услугу* 10 к. **25.** *Гибель «Медузы».* 12 к. **26.** *Изо дня въ день.* 8 к. **27.** *Судья передъ судомъ.* 7 к. **28—29.** *Добрый смѣхъ—не грѣхъ.* Два сборн. шутл. разсказ. по 25 к. Оба—50 к. **30.** *Пройдоха.* Шутка для нар. театра. 15 к. **61. Мольеръ.** *Скупой.* Комедія (въ приспособл. для народ. театра). 20 к. **62. Ауэрбахъ, Б.** *Сирота.* 15 к. **63. Оржешко, Э.** *Романиха.* 10 к. **64. Оржешко, Э.** *Тяжкій грѣхъ.* 10 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

31. П. Д. *Пословицы, притчи и басни.* 10 к. **32.** *Пятьдесятъ басенъ Крылова.* Съ простран. объясн. 30 к. **33.** *Отецъ и сынъ.* 12 к. **34.** *Поздній даръ.* (Къ сказанію «Отецъ и сынъ»). 10 к. **65.** *Раздумье.* Нѣсколько стихотвор. съ поясненіями. 5 к.

III. Естествознаніе и техника.

35. Слѣпцова, М. *Муравей-чудодѣй.* 10 к. **36. Слѣпцова, М.** *Вымирающіе богатыри.* 15 к. **37. Слѣпцова, М.** *Обезьяны.* 15 к. **38. Слѣпцова, М.** *Пауки.* 20 к. **39. Слѣпцова, М.** *И въ червѣ толкъ.* 8 к. **40. Слѣпцова, М.** *Изъ-за перьевъ.* 5 к. **41. Слѣпцова М.** *Дерево здоровья.* 10 к. **42. Слѣпцова, М.** *Жилища птицъ.* 60 к. **43. Слѣпцова, М.** *Дерево и лѣсъ.* 15 к. **44. Слѣпцова, М.** *Оспа и Дженнеръ.* 10 к. **45.** *Скопа.* 5 к. **66. Александровъ, А.** *Что за сила въ грозѣ.* 15 к. **67. Слѣпцова, М.** *Змѣи.* 25 к. **68. Слѣпцова, М.** *Заяцъ.* 5 к. **69. Слѣпцова, М.** *Какъ воюютъ между собою растенія.* (По Кону). 8 к. **70. Слѣпцова, М.** *Соль.* 25 к. **71. Д-ръ Зеленко, В.** *Кровь.* 15 к. **72.** *Картофель.* 10 к. **73.** *Откуда взялись камни.* 15 к.

IV. Земля и люди.

46. Коропчевскій, Д. А. *Арапы.* 15 к. **47.** *Широкая степь.* 12 к. **48. Лавровъ, М.** *Кочевники.* 10 к. **49. Деполовичъ, П.** *Разсказы о землѣ Аравійской.* 40 к. **50. Слѣпцова, М.** *Разсказы о Норвегіи.* 30 к. **51.** *Люди подземнаго міра.* 20 к. **52.** *Водолазы.* 15 к. **53. Масалджи.** *Путеводные огни.* 15 к. **54.** *Студеное море и его льды.* 15 к. **74. Смирновъ, А. П.** *Въ глуши.* (Очерки Кареліи). 15 к.

V. Исторія, біографіи, сказанія и проч.

55. *Записи о быломъ.* 12 к. **56. Деполовичъ, П.** *Витязи сѣвера.* 30 к. **57.** *Первые князья русскіе.* 15 к. **58.** *Сказанія о вѣщемъ Олегѣ.* 10 к. **59. Корсунскій, П.** *В. Франкминъ.* 20 к. **60. Корсунскій, П.** *Счастливый уголокъ.* 15 к. **75.** *Колдуны и вѣдьмы.* 15 к. **76.** *Киръ—царь персидскій.* 15 к. **77.** *Египетъ.* 35 к. **78.** *Неистовый Камбизъ.* 10 к. **79—80.** *Изъ народныхъ сказаній.* I. Неткро-розовыя щечки. 5 к. II. Сокровища царя Рамзеса. 7 к.

СЕРІЯ ВТОРАЯ (кн. 81—100). Цѣна всей серіи 4 р.

I. Повѣсти и разсказы.

81. Савихинъ, В. *Пробужденіе.* 12 к. **86. Мопасанъ,** *Черствые люди.* 8 к. **88. Серао, М.** *Возлѣ ребенка.* 12 к. **93. Бурдъ.** *Старое и новое.* 15 к. **94. Гартманъ, М.** *Цѣлитель.* 10 к. **98. Уилькинсъ, М.** *Отъ нужды къ достатку* 25 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

91. Шекспиръ. *Король Иръ,* Переводъ **А. Слѣпцова,** съ поясненіями, 40 к.

III. Естествознаніе.

82. Слѣпцова, М. *Охранители лѣса* 15 к. **85. Павлинова, Л.** *О зубахъ.* 5 к. **92. Слѣпцова, М.** *Морскія водоросли.* 10 к. **97. Д-ръ Зеленко.** *Какъ человѣческое тѣло приспособлено къ движенію.* 25 к. **100. Карпантье,** *Царство животныхъ.* Переводъ, значительно измѣненный подъ ред. проф. **В. Шимкевича.** 45 к.

Е18 921
Б19
3579.
Горьковская Областная ... г. Горький
Библиотека Нижегор. Губернскаго Правительства
15
47 у
Правительственныхъ Организацій Нижегородскаго Края
Союзъ
ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 21047 1967
Ф 109300

У ОСТЯКОВЪ.

Картины остяцкой жизни.

Тянется по западной Сибири къ Ледовитому океану громадная, многоводная рѣка Обь. Тянется она на пять тысячъ верстъ. Втекаетъ въ нее множество рѣкъ большихъ и малыхъ. Самая большая изъ нихъ рѣка Иртышъ. По Иртышу да внизъ по Оби разселились съ незапамятныхъ временъ остяки.

Непривѣтливый это край. Зима здѣсь долгая, лѣто—короткое, дождливое. По лѣвому берегу Оби на сотни верстъ раскинулись болота; правый, напротивъ, довольно высокъ, холмистъ. Онъ покрытъ лѣсами—«*урманами*». Въ нихъ когда-то сплошь росли прекрасные кедры, лиственницы, водилось много пушного звѣря, дичи... Урманы составляли богатство остяцкаго края. Но теперь они сильно попортились. Губили и губятъ ихъ безпрестанные пожары, которые на сотни верстъ дремучій лѣсъ обращаютъ въ гарь.

Больно глядѣть на огромныя пространства погибщаго лѣса. Вмѣсто роскошныхъ деревьевъ тор-

чатъ обугленные пни, валяются стволы съ обгорѣлыми вѣтвями. Кое-гдѣ едва пробивается жалкая поросль, но вмѣсто кедра да лиственницы растутъ уже малоцѣнныя породы — ель, береза... Почва мокрая, топкая, звѣря мало [1]).

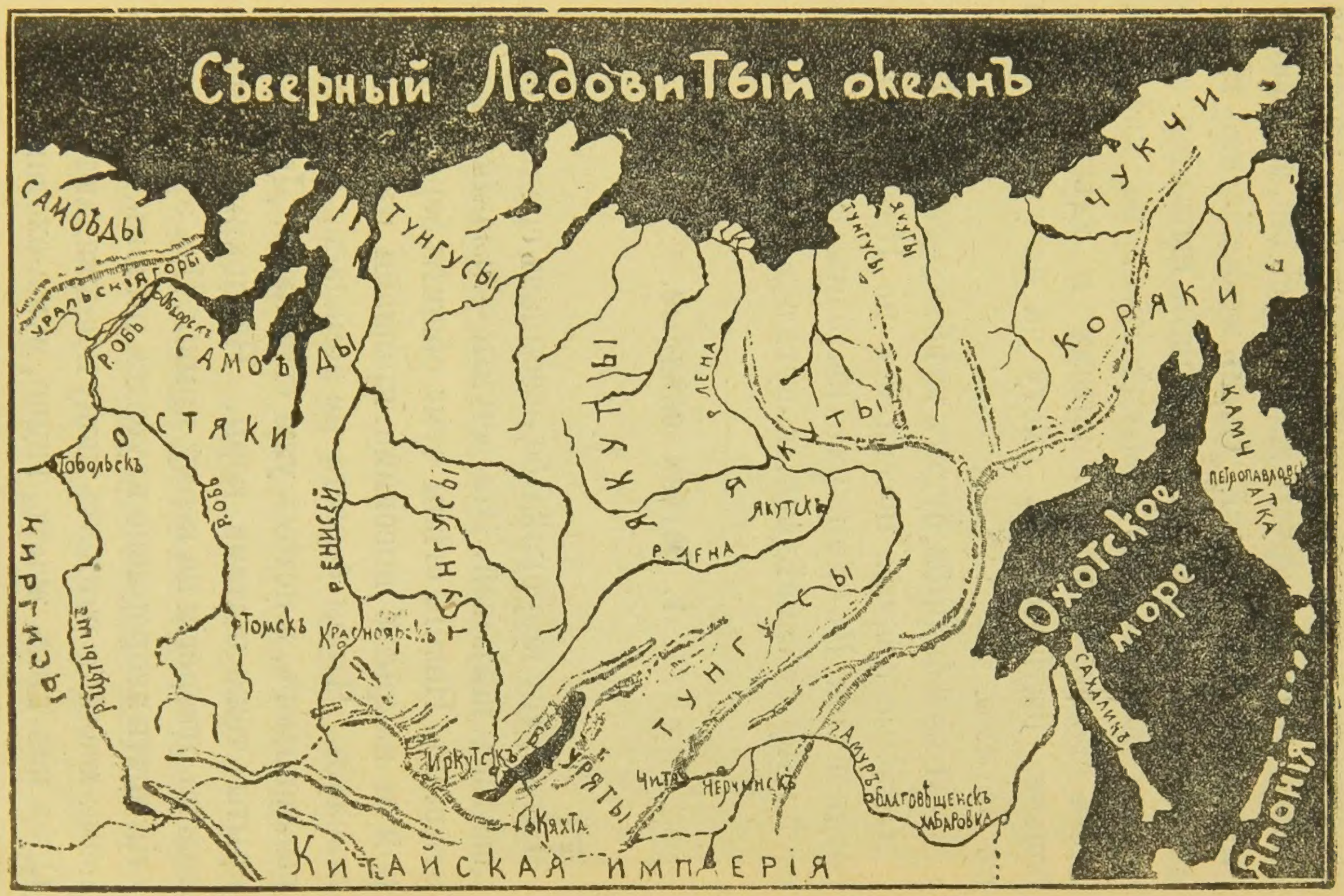
Еще бѣднѣе край становится къ сѣверу, ближе къ Ледовитому морю. Лѣса мало по малу рѣдѣютъ переходятъ въ коряжникъ, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ. Ихъ смѣняетъ жалкая болотистая низина—«*тундра*». Въ ней лѣтомъ земля едва успѣваетъ оттаять на полъ-аршина.

А тутъ еще лѣтъ 400 тому назадъ въ остяцкій край забрались русскіе, обложили остяковъ податью—«ясакомъ», шагъ за шагомъ лучшія мѣста заняли подъ свои селенія. Совсѣмъ плохо пришлось остякамъ.

Остяковъ всего насчитываютъ 22—24 тысячи душъ. Русскихъ теперь въ остяцкомъ краѣ много больше, чѣмъ остяковъ. Но занимаетъ этотъ край по Оби верстъ тысячи полторы, а по Иртышу верстъ пятьсотъ... Кажется, тутъ и для русскихъ, и для остяковъ мѣста довольно! Бѣда въ томъ, что великъ просторъ, да мѣстъ, удобныхъ для жилья, на немъ немного... Поселки остяковъ отстоятъ одинъ отъ другого на десятки верстъ, иногда на сотню верстъ.

---

[1]) Очень правдивое описаніе урмановъ найдете въ нашей книжкѣ „*Какъ Петръ Захарычъ переселялся*“. См. также книжку „*Пожары*“.



Разселеніе обитателей крайняго Сѣвера въ Сибири.

Остяки живутъ не одинаково. Одни изъ нихъ переходятъ со стадами своихъ оленей съ мѣста на мѣсто—кочуютъ; другіе живутъ осѣдло, занимаясь рыбной ловлей, охотой. Очень немногіе изъ тѣхъ, что живутъ южнѣе, на Иртышѣ, пытаются заниматься по-немножку земледѣліемъ, но хлѣбъ и здѣсь родится плохо, потому и здѣсь остяки больше надѣются на охоту да на уловъ рыбы въ рѣкахъ.

— «Была-бы рыба, будетъ хлѣбъ»,—говорятъ они.

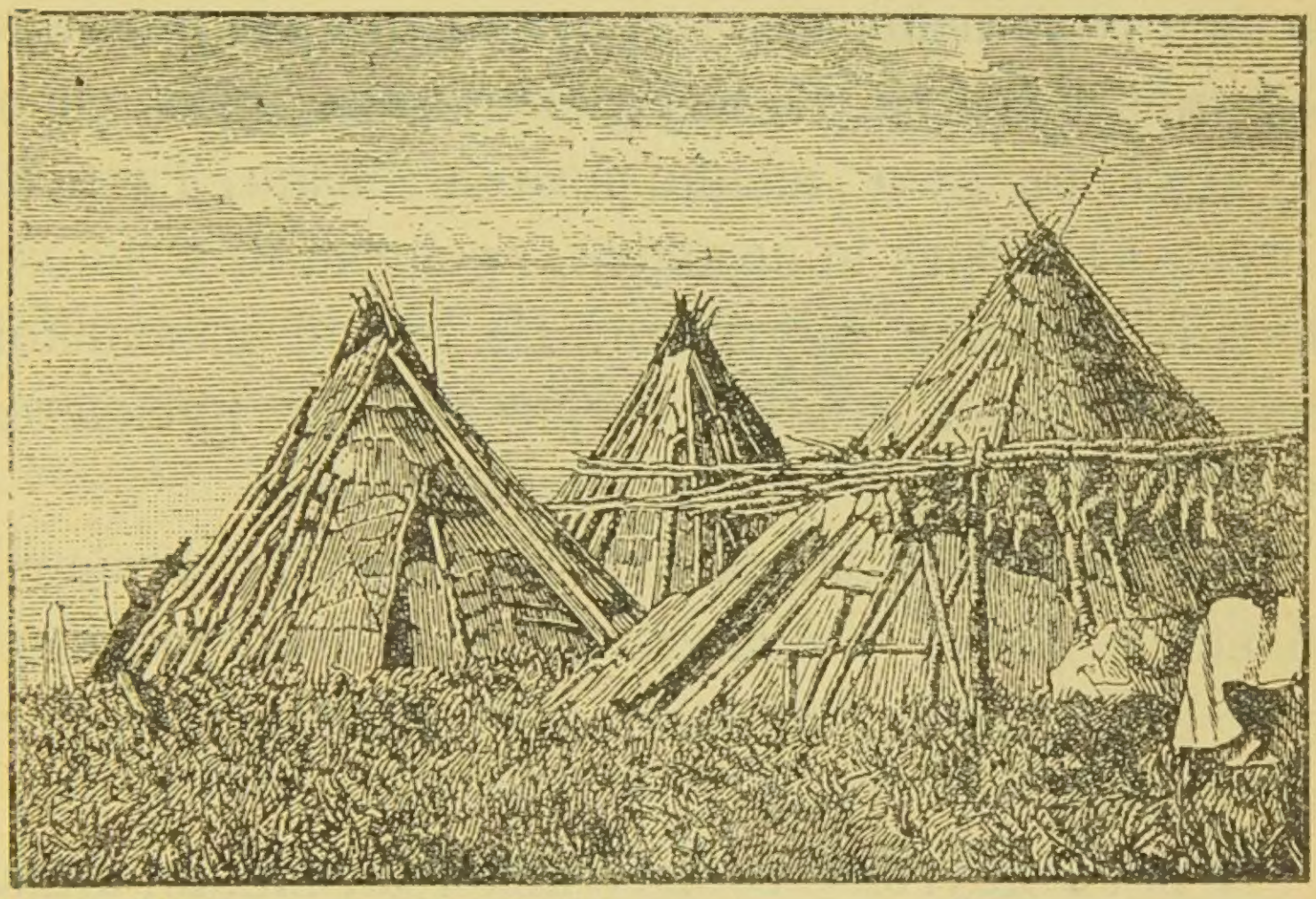
Осѣдлые остяки поселились по Иртышу да по средней Оби. Въ низовьяхъ Оби, ближе къ океану, по сосѣдству съ самоѣдами, живутъ *остяки-кочевники*.

I. Остяки осѣдлые.

1.

По берегу широкой Оби разсыпанъ среди кустовъ десятокъ шалашей. Это «чумы»—*лѣтнія* жилища остяковъ. Низкія стѣны чума обшиты березовой корой и накрыты высокими крышами изъ ивовыхъ стволовъ. Чтобы береста не ломалась, ее сначала вываривaютъ, а потомъ уже сшиваютъ. Двери прикрыты тоже щитами коры. Не покрыты ничѣмъ только отверстія на верху крыши. Изъ этихъ отверстій почти непрерывно клубится дымокъ. Вотъ и теперь: хозяйки готовятъ пищу и поджидаютъ мужей. Одна изъ нихъ ждетъ, видно, мужа-охотника. Что хозяинъ чума—охотникъ, догадаться не трудно; у

чума разставлены всевозможныя орудія лова: западни, самострѣлы... Не то, что у сосѣдей. По всему замѣтно, что сосѣди—рыбаки. На вбитыхъ кольяхъ развѣшены сѣти и другія рыболовныя снасти, виситъ рыба на перекладинахъ, сушится отъ прошлаго улова. Тутъ же по одиночкѣ или кучками сидятъ женщины на корточкахъ. У каждой доска



Чумы—лѣтнія жилища остяковъ.

и острый ножъ, передъ каждой лежитъ рыба. Ее чистятъ, потрошатъ, дѣлятъ на части и нанизываютъ на длинные, тонкіе колья, чтобы сушить. При этомъ женщины жадно глотаютъ лакомые куски. У одной по чмокающимъ губамъ скользитъ въ ротъ рыбья печень, другая разрѣзаетъ рыбу на длинныя полосы, конецъ полосы обмакиваетъ въ кровь, затѣмъ захватываетъ полосу съ одного кон-

ца ртомъ, а другой конецъ держитъ надъ самымъ носомъ; отрѣзаетъ отъ полосы и глотаетъ кусокъ за кускомъ.

— И мнѣ! — тянется четырехлѣтній мальчуганъ къ ножу и рыбѣ.

Онъ управляется съ ѣдою такъ же быстро, какъ мать. Лица женщинъ и дѣтей блестятъ отъ рыбьей крови, отъ печеночнаго жира, а руки—отъ приставшей рыбьей чешуи. Во внутренностяхъ рыбъ, сброшенныхъ въ кучу, жадно роются собаки. Тутъ же у чума къ стѣнѣ прислоненъ крошечный челнокъ, сшитый ивовыми прутьями. На такой маленькой скорлупѣ—«моржовкѣ» остякъ смѣло пускается по Оби, несмотря ни на какую бурю.

— На нашей моржовкѣ человѣкъ не утонетъ. Большую лодку — «каякъ» сейчасъ Обь перевернетъ, а моржовка вывернется! — говоритъ остякъ рыболовъ.

А вотъ другому сосѣду некогда, видно, никакимъ домашнимъ дѣломъ заниматься. Повезъ онъ кого-то «по казенной надобности» на лодкѣ вверхъ по рѣкѣ. Онъ держитъ гоньбу. Взялъ право гоньбы у русскихъ съ торговъ, да и не радъ. Отъ гоньбы перепадаетъ ему, правда, кое-что, но все-же одной гоньбой не проживешь, а наловить, насушить рыбы на зиму изъ-за нея некогда. Донимаютъ русскіе безплатными поѣздками «по казенной надобности» по праву и безъ всякаго права. И стоитъ у чума только запасная лодка, а ника-

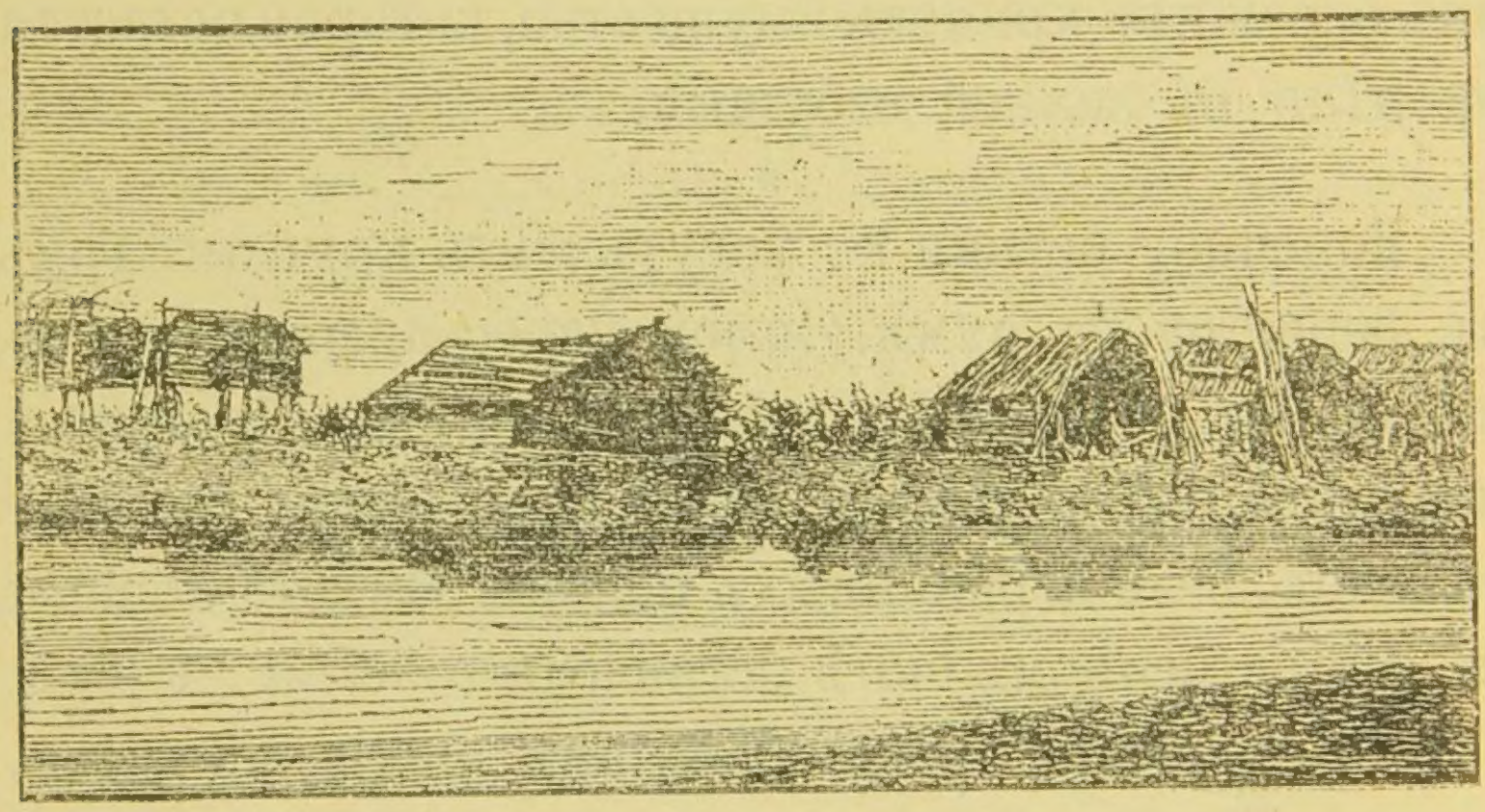
кихъ слѣдовъ охотничьяго или рыбнаго промысла не видно. Даже сани для зимней гоньбы остались у *зимняго жилья*. Кое-какое имущество, запасы тоже оставлены въ сарайчикѣ у зимняго жилья безъ всякаго запора.

Честные, добродушные остяки довѣрчиво оставляютъ свое добро безъ запора, хотя сосѣди ихъ, русскіе, своими кражами мало по малу и пріучаютъ ихъ бережнѣе хранить имущество, которое остается на лѣто въ зимней избушкѣ.

*

Конечно, остяки не могутъ жить круглый годъ въ берестовомъ чумѣ. Зимою переселяются они въ маленькія невзрачныя избы изъ тонкихъ бревенъ и необдѣланныхъ досокъ—плохенькія избы безъ полтковъ, безъ деревянныхъ половъ. Вмѣсто стеколъ въ единственномъ окнѣ вставлена толстая льдина. Стекла дороги, только богачамъ впору вставлять стекла. Льдина лучше: дешевле, теплѣе и не замерзаетъ. Затуманится льдина, покроется инеемъ, поскоблишь ее ножемъ, оботрешь... и опять она свѣтла, прозрачна! Если льдина отъ таянія и скобленія станетъ слишкомъ тонкой, то ее всегда можно перемѣнить. Зимой въ одной избѣ живетъ иной разъ семействъ по пяти. Для каждой семьи на нарахъ отгорожено особое мѣсто для спанья. Оно прикрыто плетенками да оленьими шкурами. Отъ двери до другой стѣны оставленъ свободный проходъ. Въ углу улаженъ глиняный очагъ—«чувалъ» съ прямою трубой. На чувалѣ почти весь день горятъ дрова.

Надъ нимъ на жерди виситъ котелъ. Дымъ и паръ уходятъ въ дыру, продѣланную въ крышѣ надъ чуваломъ. Когда надо прикрыть дыру, ее затыкаютъ кускомъ дерна, надѣтаго на длинную палку. Въ другомъ углу стоятъ маленькіе ларцы для самаго цѣннаго имущества. Въ нихъ хранятся чайная посуда, топоръ, буравъ, скребокъ для кожи, швейный ящичекъ...



Зимнія жилища остяковъ.

Въ иныхъ избахъ на стѣнѣ виситъ образъ. Хозяева, значитъ, крещеные; но часто, вмѣсто образа, стоитъ домашній идолъ... а то стоятъ и идолъ, и образъ рядомъ.

*

Остяки — народъ совсѣмъ темный. Крещеный остякъ носитъ крестъ, творитъ крестное знаменіе, ставитъ свѣчку къ образу, чтобы ловъ былъ хорошій... но чему учитъ христіанская вѣра,—онъ не знаетъ. Крестится остякъ безъ разумѣнія, какъ

бы только въ надеждѣ, что авось «русскій Богъ» тамъ поможетъ, гдѣ свой не сможетъ. Замѣчаютъ даже, что иной остякъ послѣ крещенія становится менѣе честенъ.

Коренной, неиспорченный русскими, остякъ чрезвычайно добръ, правдивъ. Охотникъ, которому посчастливилось на охотѣ, дѣлится добычей съ сосѣдомъ, съ родичемъ, который вернулся изъ лѣсу съ пустыми руками. Достаточно показать сыну узелъ, завязанный его умершимъ отцомъ на память о долгѣ, и сынъ расплачивается за покойника. А поживетъ остякъ съ русскими—измѣнится. Если онъ при этомъ и окрестится, лучше не станетъ. Совершится надъ нимъ обрядъ крещенія, а наставить его въ Христовомъ ученіи некому. Школъ нѣтъ, священнику дай Богъ только справиться съ крестинами, съ отпѣваньемъ, со свадьбами въ своемъ приходѣ, что тянется—легко сказать!—на тысячу верстъ. И то приходится крестить младенцевъ, отпѣвать покойниковъ и справлять обрядъ вѣнчанія уже много послѣ того, какъ остяки все это сдѣлаютъ по своему языческому обряду.

А русскіе промышленники, скупщики, которые постоянно околачиваются вокругъ остяковъ, спаивая ихъ водкой,—плохіе наставники въ правдѣ Христовой. Они сильно обижаютъ остяковъ, и слава у нихъ между остяками куда незавидная!

— Что же ты раньше былъ такой честный, а теперь мошенничаешь!—укорялъ какъ-то остяка русскій купецъ.

— Я теперь крещеный, такой же, значитъ, русскій, какъ и ты,—отвѣчалъ остякъ,—ну и могу мошенничать, какъ вы всѣ тутъ мошенничаете.

Что же мудренаго послѣ этого, что, крестившись, остякъ не забываетъ своихъ боговъ, своихъ обычаевъ!

— Приходитъ какъ-то ко мнѣ остякъ,—разсказываетъ одинъ священникъ.—Крести, говоритъ, сына моего.

— А ты самъ крещеный?

— Нѣтъ.

— А жена твоя крещеная?

— Нѣтъ. Мы и не вѣнчались по вашему.

— Такъ я, братъ, не могу окрестить твоего сына. Кто же его въ нашей вѣрѣ воспитывать станетъ? Ты съ женой чему его учить будешь? Крестись сначала самъ.

— Нѣтъ, самъ я не хочу, а вотъ парнишку окрести.

— Да ты съ чего надумалъ его крестить?

— Видишь ли, батька: пошелъ я на охоту. Ходилъ, ходилъ и все звѣря не могъ встрѣтить. Такая неудача! Вотъ и взмолился я вашему Николѣ. «Никола», — говорю, — «пошли ты мнѣ счастье, я тебѣ за это окрещу своего сына». Ну, Никола помогъ, звѣря я встрѣтилъ. Не хочешь крестить сына, я Николѣ положу рубль въ кружку...

Другой священникъ разсказывалъ:

— Пріѣхалъ я въ чумъ къ остяку. Прихо-

дить ко мнѣ его жена, жалуется: «Мужъ у меня крещеный, а взялъ себѣ другую жену». Остяки по своей вѣрѣ могутъ брать нѣсколько женъ, если состоянія хватитъ. Позвалъ я остяка.

— Ты—говорятъ—крещеный. Развѣ не знаешь, что христіанскій законъ не дозволяетъ имѣть больше одной жены?.

— У насъ можно.

— Какъ это ты говоришь: «у насъ»? Да ты кто? Ты вѣдь православный, не язычникъ.

Остякъ постоялъ, постоялъ, да и говоритъ:

— Вотъ что, батька: я къ тебѣ въ домъ не ѣзжу, въ твои дѣла не мѣшаюсь. Ну, и ты ко мнѣ не ѣзди, въ мои дѣла не мѣшайся.

Православныя иконы, однако, такъ же, какъ и своихъ идоловъ, остяки всегда перевозятъ изъ зимнихъ жилищъ въ лѣтнія и обратно. Такимъ образомъ икона часто стоитъ въ жильѣ рядомъ съ незатѣйливымъ чурбаномъ, на которомъ вырѣзаны носъ, ротъ; вмѣсто глазъ вставлены стеклышки или кусочки свинца. Этотъ чурбанъ—изображеніе, идолъ домашняго остяцкаго божка. Ему остяки молятся и приносятъ жертвы. Своихъ маленькихъ идоловъ они одѣваютъ въ лоскутья, украшаютъ бусами.

Передъ охотой, передъ рыбной ловлей остякъ со своими богами вступаетъ въ договоръ.

Если наловлю много рыбы, самую большую

отдамъ тебѣ. Если уловъ будетъ небольшой, ты ничего не получишь.

— Убью соболя, тебя не обижу; только помогай мнѣ.

Такими же договорами остяки—по недоразумѣнію—думаютъ найти помощь и у святыхъ, чтимыхъ православной церковью... Плохіе они христіане!

2.

Въ убогомъ чумѣ у чувала (очага) хлопотала худая, старая, малорослая женщина. Она вываливала въ маленькое корытце вареную рыбу. Такія корыта, только побольше, служатъ у насъ для стирки бѣлья. Корытце было совсѣмъ чистое. Мы не позавидовали бы, однако, этой чистотѣ, корыто дочиста вылизали собаки. Собаки ѣдятъ у остяковъ изъ корытъ послѣ людей, а люди послѣ собакъ. Хозяйкѣ уже не приходится мыть посуды. Да и къ чему? Даромъ только время тратить! И нужнаго-то дѣла полныя руки. Сейчасъ вотъ надо варить «бурдюкъ», т. е. кипятокъ заправлять мукой, мясомъ, жиромъ; кромѣ того, еще отдѣльно накрошить сырого мяса и рыбы. Что не съѣстся сырьемъ, сварится на завтра. Жарить остяцкія хозяйки не умѣютъ. Нужно еще испечь лепешекъ на палочкахъ у огня; запасенный съ зимы хлѣбъ весь вышелъ. Надо зачинить дыру на своемъ суконномъ балахонѣ. Вотъ и бисеръ на груди да на воротѣ обсыпался, и цвѣтная шерсть на подолѣ

оборвалась. Придетъ хозяинъ,—не до шитья будетъ, такъ съ прорѣхой и останешься. Придется мужа кормить, силки, сѣти чинить, оружіе чистить. Все это у остяковъ—бабье дѣло. Придется искать на мужѣ насѣкомыхъ, чтобы уснулъ спокойнѣе. Всѣ остяки спятъ въ тѣхъ же одеждахъ, которыя носятъ днемъ, потому голова ихъ и одежда полны грязи и насѣкомыхъ.

Дочь эти дни хозяйкѣ-матери не помощница. Недавно только схоронила она своего мужа. Гостей-то понаѣхало сколько на похороны! Покойнику положили въ могилу его лукъ, стрѣлы, трубку и табакъ. Оленя пришлось заколоть, собаку убить. Зато, какъ встанетъ онъ, такъ и пойдетъ прямо на сѣверъ въ загробный міръ—«потламъ». Нарочно положили его ногами къ сѣверу, чтобы не ворочаться ему — прямо идти. Съѣстного въ могилу положили. Первое время не голодать же покойнику въ чужомъ мѣстѣ! Пооглядится въ «потламѣ», тогда своимъ оружіемъ и самъ себя прокормитъ. Съ братомъ своимъ, можетъ, встрѣтится, тотъ поможетъ. Всѣ умершіе,—худо ли, хорошо ли они жили на землѣ,—въ «потламѣ» встрѣтиться должны.

Страшно только, какъ-бы духъ умершаго раньше времени, раньше шести недѣль, въ чумъ не вернулся. Да нѣтъ, какъ ему вернуться! Вѣдь по краю гроба обвели, по обычаю, бѣличьимъ мѣхомъ, и въ дверь чума дули, чтобы прогнать духъ покойнаго...

Однако женщина боязливо оглянулась на то мѣсто, гдѣ обыкновенно спалъ покойный. Тамъ лежалъ теперь деревянный чурбанъ, одѣтый въ его платье. Тамъ же сидѣла молодая вдова съ исцарапаннымъ до крови лицомъ. Черезъ шесть недѣль душа покойнаго навѣдается въ чумъ. Поглядитъ,—жалѣютъ ли его? Порадуется, если увидитъ, что сильно жалѣютъ, «до крови» жалѣютъ, и уйдетъ спокойно. Старуха подала дочери «варки», т. е. рыбьихъ кишекъ, уваренныхъ до-густа въ рыбьемъ жирѣ. Вдова взяла немного этого кушанья, засунула въ ротъ чурбану—покормила его. Остальное съѣла сама. Чурбанъ надо кормить всѣмъ, что любилъ покойный; надо обходиться съ нимъ, какъ съ живымъ, цѣлый годъ. Потомъ только зароютъ его въ землю, и вдова перестанетъ плакать.

3.

А вотъ и другой чумъ. И здѣсь хозяйка за уборкой, за варкой. Малыя ребята возятся на полу со щенкомъ. Въ сторонкѣ пріютился старый, старый полоумный дѣдушка—Йири.

— Что же наши не идутъ? Я голоденъ,—тихимъ голосомъ молвилъ Йири.—Гдѣ они?

— Солнце на закатѣ, скоро придутъ. Яги съ сосѣдями-рыбаками на Оби, а Панто съ парнями на медвѣдя пошелъ.

— На медвѣдя?

Йири вдругъ поднялъ голову и какъ-то жалостно

затрясся всѣмъ тѣломъ. Хозяйка—жена его старшаго сына Панто—встревожилась и заговорила о другомъ, но Йири не слушалъ.

— Медвѣдь!..—лепеталъ онъ съ испугомъ.—Въ долинѣ его видѣли... Рыбакъ вчера говорилъ. Охъ, не придутъ всѣ домой... «Онъ» заломаетъ... Кровь соскребетъ и въ землю зароетъ...

Дѣти кучкой подвинулись къ старику.

— «Онъ» хитеръ,—продолжалъ дѣдъ,—долго помнитъ обиду, а сынъ прошлый разъ хвалился, что убьетъ его. И «онъ» это слышалъ. Вѣдь «онъ», какъ бы далеко ни жилъ—въ горахъ ли, въ бору ли,—все слышитъ и понимаетъ все, что мы говоримъ, какъ человѣкъ; даже лучше человѣка. А какъ «онъ» свирѣпъ,—это я знаю.

Йири опустилъ голову.

— Наши не дадутся ему, дѣдушка,—утѣшали его ребята.—На нихъ медвѣдь невзначай не нападетъ.

— Захочетъ напасть—нападаетъ! Медвѣдь хоть большой звѣрь, а крадется тихо... Никто не замѣтитъ, промелькнетъ, какъ тѣнь, и—хвать! Какъ меня...

— Полно, дѣдушка, полно! Успокойся!—твердила хозяйка, но Йири и теперь не слышалъ ее. Онъ отвернулъ рукавъ своей рубахи и въ сотый разъ показывалъ дѣтямъ, вмѣсто лѣвой руки, одну кость, обтянутую кожей, со множествомъ шрамовъ на ней.

— Много я убилъ ихъ... много! И вотъ чуть

не съѣли. Было такъ: поставилъ я самострѣлъ на звѣря. Вышелъ съ парнемъ посмотрѣть,—нѣтъ ли добычи? Парень отсталъ, а я иду впередъ. Прошелъ немного, какъ вдругъ выскочилъ «онъ» и бросился на меня. Не успѣлъ опомниться, стоитъ уже «черный» на заднихъ лапахъ. Я за ножъ... а ножъ-то изъ ножен не вынимается! Свалилъ меня «черный» на землю. Сжалъ я ему горло правой рукой, лѣвую въ пасть всунулъ... «Онъ» ее жевать!.. Спасибо парень подскочилъ, во весь духъ закричалъ и пырнулъ «чернаго» съ размаху ножемъ. «Онъ» испугался, рявкнулъ и убѣжалъ въ лѣсъ... Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ сидѣлъ «черный» на мнѣ, какъ смотрѣлъ въ глаза, и помутилось у меня на душѣ!

Дѣдъ опять затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Охъ, скоро ли они придутъ!—то и дѣло повторялъ онъ.

*

Тѣмъ временемъ на рѣкѣ шло живое дѣло. Небольшую рѣченку, притокъ Оби, подростки перегородили плетнемъ. По серединѣ плетня оставили отверстіе. Надъ нимъ перекинули поперечное бревно. Въ отверстіе съ шумомъ прорывалась вода, а съ нею вмѣстѣ, разумѣется, и рыба. Ребята взгромоздились на поперечину и пристально вглядывались въ мутныя волны. Они то запирали проходъ сѣтью, то поднимали сѣть. Въ сѣти оказывалась рыба.

Ее выкидывали въ маленькіе челноки. Дѣло шло недурно.

*

Но тутъ дѣлалось только побочное, ребячье дѣло; главное же дѣло шло на самой Оби. Тамъ работалъ и Яги съ сосѣдями.

Одинъ берегъ рѣки—«пески» жители чумовъ изъ году въ годъ отдавали въ аренду русскимъ промышленникамъ.

И рады бы не отдать, да гдѣ намъ, бѣднотѣ, съ «песками» справиться. Невода не заведешь...—поясняли остяки.—И отдаемъ-то чуть не даромъ! Вотъ и въ этомъ году съ мая по августъ сдали. Голодный былъ годъ. Ѣсть что-нибудь надо, и отдали мы пески за 30 рублей. Тридцать рублей въ лѣто все же деньги. Повыше на Оби сосѣди за 200 рублей пески сдали. Руки свои отдали по 40 рублей... а мы, охъ, только по десяти за лѣто получимъ. Не во время задатокъ взяли. Теперь отрабатывай... Нужда!

— А тяжела-ли работа?

— Работа не тяжела, да времени на нее уходитъ много. Сколько въ это время работы тутъ пройдетъ! Въ прошломъ году по 20 осетровъ въ день ловилось, по 200 максуновъ...

— На долго-ли хватитъ 300 рублей на поселокъ, да заработка въ десять рублей! Чѣмъ же вы будете платить купцамъ за хлѣбъ, за чай, за одежду?

— Максунами. Максунъ—деньги. Если вѣситъ

не меньше пяти фунтовъ, да въ немъ есть 9 вершковъ—стоитъ 10 копѣекъ.

— Вѣдь вы на русскаго работаете. Откуда же у васъ максуны?

— Мы съ полуневода нанимались. Половина русскому, половина намъ. Изъ этой половины, конечно, тому же русскому болѣе половины отдадимъ за товаръ.

Надо сказать, что русскіе купцы безбожно пользуются простотой и добродушіемъ остяка. И обманомъ, и обвѣсомъ, и водкой выбираютъ они у нищаго остяка послѣднее. За пудъ муки берутъ съ него 16 максуновъ, значитъ, рубля полтора; за фунтъ соли—тридцать максуновъ, три рубля; за фунтъ табаку—триста рыбъ, около тридцати рублей; за плохое сукно въ девять гривенъ берутъ максуновъ двадцать, т. е. рубля два, а то и больше.

При такихъ цѣнахъ, разумѣется, остякъ всегда въ неоплатномъ долгу. А рыба-то въ рѣкахъ убываетъ. Промышленники не смотрятъ—когда можно, когда нельзя ее брать. Берутъ съ икрою, мало ее остается на разводку. А то выловятъ сѣтями, крупную отберутъ, а мелкую, вмѣсто того, чтобы въ воду спустить, заморятъ на берегу... Уловъ все хуже да хуже становится!

*

Плохо шло дѣло на этотъ разъ и у Яги. День клонился къ закату, а маленькая рыболовная артель, въ которой работалъ Яги съ сосѣдями, все еще

старалась, не покладая рукъ. Дощатый помостъ, настланный на двѣ длинныя, глубокія лодки, сплоченныя вмѣстѣ, былъ почти пустъ. Виднѣлись на немъ только рыболовныя снасти да небольшая кучка мелкой рыбешки. Ни осетра, ни максуна!

— Придется въ лѣсъ ѣхать!—задумчиво промолвилъ Яги.

Сосѣдъ его кивнулъ головой.

—Придется, придется!—согласился онъ.—Надо просить большого бога объ уловѣ... За что-то не взлюбилъ насъ большой богъ! Маленькому богу мы обѣщали максуновъ отъ улова, а онъ не помогаетъ... Не подъ силу ему помочь, должно быть! Большого будемъ просить, онъ сильнѣе.

— Вынимай невода, Яги.

— Повертывай!

— Причаливай!

Пять человѣкъ рыбаковъ высадились на берегъ.

Идутъ... Вдругъ слышатъ окликъ изъ ближняго лѣса:

— Эге! Яги, Тольчонъ, Немли, подсобите!..

— Вѣдь это Панто съ сыновьями! Чего имъ надобно?

— Эге!..—раздался вновь призывный крикъ.—Подсобите!..

Рыболовы повернули къ лѣсу. На опушкѣ показались въ это время трое остяковъ. Они съ трудомъ волочили какую-то темную тушу. Одинъ изъ парней, кромѣ того, былъ обвѣшанъ утками

и гусями. Видно было, что охотники промашки не давали.

Яги прибавилъ шагу. Длинные черные волосы его выбились изъ-подъ мѣховой шапки, съ которой онъ не разставался и лѣтомъ. Плоское смуглое лицо его съ рѣдкой бороденкой какъ-то высунулось впередъ и засвѣтилось радостью.

— Панто съ медвѣдемъ!.. Торымъ не гнѣвается на нашъ чумъ. Послалъ медвѣдя, сына своего, на поживу Панто!

Торымъ—верховный богъ остяковъ. Про медвѣдя остяки разсказываютъ, что въ немъ духъ одного изъ сыновей бога Торыма. Жилъ этотъ сынъ прежде у отца на небѣ. Понравилась ему земля и попросился онъ на землю. Пустилъ его отецъ и наказалъ черезъ медвѣдей изводить на землѣ злыхъ людей, а добрыхъ не трогать.—«Если тронетъ добраго, самъ будетъ убитъ»—предупредилъ сына Торымъ. Потому, если медвѣдь задержитъ охотника, говорятъ, что задралъ его «черный» за грѣхи. Если остякъ убьетъ медвѣдя, значитъ сынъ Торыма самъ прогрѣшилъ передъ отцомъ своимъ, а убившій медвѣдя угоденъ Торыму.

— Устали. Изъ середины лѣса тянемъ!—заговорили охотники, какъ только рыбаки подошли къ нимъ.

— Медвѣжій зубъ мнѣ отдай,—попросилъ Яги.

— А твой гдѣ?

— Весь поясъ въ рѣкѣ остался.

Медвѣжій зубъ носится остяками у пояса. Самой страшной, ненарушимой клятвой считается клятва на медвѣжьемъ зубѣ.

— Если я не правъ, то издери и съѣшь меня!—говоритъ остякъ и кусаетъ зубъ.

Такой клятвѣ можно всегда вѣрить.

— Ладно,—порѣшилъ Панто.—А ты оповѣсти сосѣдей, что «чернаго» убили.

*

И старый, старый дѣдъ, и женщины, и дѣти—всѣ выбѣжали изъ чума навстрѣчу охотникамъ. У всѣхъ были радостныя лица, а дѣдъ ощупывалъ сына и радостно твердилъ:

— Живъ... живъ...

Всѣ радовались. Между тѣмъ убить медвѣдя не представляетъ для остяка никакого барыша. Наоборотъ, такая удача вызываетъ только расходы. Кто убилъ медвѣдя, обязательно долженъ справить праздникъ. На праздникъ съѣдутся всѣ сосѣди—и ближніе, и дальніе. Иные за сто верстъ пріѣдутъ, если прослышатъ о праздникѣ во время. Запасы, что заготовлялись на зиму, всѣ уйдутъ на гостей. Но... медвѣдь, даже мертвый, все видитъ, все слышитъ, все знаетъ, и обойти его праздникомъ нельзя [1]).

Потому и въ чумѣ Яги и Панто начались приготовленія къ пріему гостей. Шкуру убитаго медвѣдя положили въ передній уголъ, подъ лапы подставили

---

[1]) Сравните въ нашей книжкѣ № 124 разсказъ изъ быта чукчей „*Счастливый день*“.

подпорки. Между ними помѣстили морду. На глаза прикрѣпили серебрянныя монеты, морду украсили берестяными кружками. Пищу и питье разставили кругомъ и стали ждать. Ждать пришлось недолго. Съ наступленіемъ сумерокъ уже стали сходиться и съѣзжаться гости. Съѣзжались и весь слѣдующій день. Справлять праздникъ полагается ночью. Только ночью сынъ бога Торыма ходитъ по землѣ и видитъ, какъ люди почитаютъ медвѣдя.

Панто самъ убилъ медвѣдя. Хотѣлъ онъ, было, убить звѣря особаго рода снарядомъ—самострѣломъ: натянулъ большой лукъ и насадилъ на тетиву большую стрѣлу съ желѣзнымъ концомъ въ полтора аршина. Къ натянутой тетивѣ протянута была веревка и привязана такъ, что, задѣнь только ее звѣрь, тетива бы спустилась, и стрѣла пронзила бы его. Панто стоялъ по-близости, сторожилъ—что будетъ? Звѣрь не задѣлъ веревки; насаженная на тетиву стрѣла не слетѣла. А завидѣлъ звѣрь Панто... всталъ на заднія лапы. Панто всадилъ ему зарядъ изъ стараго кремневаго ружья, ловко угодилъ подъ лѣвую лопатку, и на мѣстѣ положилъ звѣря. Потому теперь Панто сидитъ по правую сторону медвѣдя. Рука его лежитъ на медвѣжьей шеѣ.

Въ чумѣ набирались мужчины и женщины. Перво на перво они подходили къ домашнему идолу и перевертывались передъ нимъ по три раза. Не надо забывать бога—покровителя дома, хотя онъ и

маленькій божокъ. Затѣмъ кланялись въ поясъ медвѣдю и цѣловали его въ морду. Мужчины усѣлись на нары по правую сторону чума, женщина—по лѣвую.

Черезъ нѣкоторое время раздался гулъ струннаго инструмента—домбры. Подъ эти звуки остяки и остячки стали плясать. Одна женщина затянула пѣсню о томъ, какъ сынъ Торыма жилъ на небѣ. Мужчины подхватили хоромъ и запѣли, какъ онъ живетъ на землѣ. «Гай-гай»—раздавался припѣвъ все громче и сливался въ общій гулъ. Къ полуночи только устали плясать и пѣть. Принялись за ѣду. Но раньше помазали морду медвѣдя жиромъ и кровью, какъ бы угощая его. Не забыли и домашняго идола, хотя Яги и сердился на него за неудачный ловъ.

— Если ты не исправишься, я тебя выброшу и возьму другого, а пока на, пей!—обратился онъ къ идолу и поднесъ ему немного водки. Потомъ онъ эту водку выплеснулъ на полъ въ честь бога.

4.

Гости оставались на праздникѣ пять дней. Уловъ рыбы за это время не улучшился. Жители поселка вмѣстѣ съ гостями рѣшили ѣхать въ дальній лѣсъ принести жертву богу, который посильнѣе.

— Прогнѣвался на насъ Торымъ. Надо попросить о милости подвластныхъ ему боговъ.

— Почему же не обращаетесь вы съ просьбой

къ самому Торыму?—спросилъ путешественникъ, при которомъ собирались остяки на моленіе.

— Торыма нельзя безпокоить. Онъ самъ знаетъ, что кому нужно. Онъ моленій людскихъ не слушаетъ, всѣмъ руководитъ самъ, по чистой правдѣ. Онъ такъ высоко, такъ высоко, на седьмомъ свѣтѣ. До него просьбы наши не доходятъ.

У остяковъ нѣтъ даже изображенія Торыма. Остальные же боги изображаются идолами. Идоловъ менѣе вліятельныхъ, менѣе сильныхъ боговъ остяки хранятъ въ домахъ, идоловъ же большихъ боговъ прячутъ въ глухихъ мѣстахъ, въ лѣсу. Отъ русскихъ, вообще отъ чужихъ людей, такія мѣста всячески скрываютъ. Лѣсные идолы, какъ и домашніе идолы,— простыя доски или чурбаны съ вырѣзаннымъ носомъ, глазами, ртомъ. При идолѣ строится обыкновенно амбарчикъ. Въ амбарчикъ этотъ складываются вещи, которыя жертвуютъ божеству. Амбаръ не замыкается. Ни одинъ остякъ никогда ничего не украдетъ у своего бога, хотя приносятся ему богатые дары: соболя, чернобурыя лисицы, голубые песцы, одежда, даже всякія цѣнныя вещи.

Зато русскіе, что шныряютъ по лѣсамъ, наталкиваясь на остяцкихъ идоловъ,—случается,—захватываютъ остяцкія приношенія.

*

Наканунѣ поѣздки въ лѣсъ, сборщикъ приношеній обошелъ остяцкіе чумы. Кто жертвовалъ для бога дорогой мѣхъ, кто серебро, одинъ далъ верх-

нюю одежду. Изъ чума Яги и Панто отдали шкуру медвѣдя; женщины давали кольца, серьги.

Остяки въ лѣтнихъ нарядахъ.

Позвали и «шамана»—колдуна, человѣка наиболѣе угоднаго богамъ. Только черезъ шамана и можно обращаться къ большимъ богамъ; только онъ умѣетъ

обратить ихъ вниманіе на людскія молитвы. Шаманъ повелъ съ собою жертвенную лошадь—самый пріятный даръ для бога. Лошадей мало у остяковъ, и цѣнятся онѣ очень дорого. Но уловъ такъ плохъ въ этомъ году, что нужна самая большая жертва.

Длиннымъ, пестрымъ поѣздомъ двинулся народъ на моленіе.

Женщины надѣли свои лучшія одежды, косы перевили разноцвѣтными лентами. Тѣ, у которыхъ косы были жиденькія, привѣсили еще травяныя косы. Къ платкамъ, что накрывали головы, привязали мѣдныя побрякушки, кольца, кружки. У иной щеголихи эти украшенія вѣсили фунтовъ десять и звенѣли при ходьбѣ очень сильно. Чѣмъ больше звону, тѣмъ лучше.

Шаманъ тоже надѣлъ особое платье, кожаное, увѣшанное металлическими бубенчиками, голову ничѣмъ не покрылъ, а волосы растрепалъ, поскольку могъ. Въ руки взялъ бубенъ и колотушку.

Какъ только остяки доѣхали по глухимъ тропинкамъ до извѣстнаго имъ мѣста, шаманъ схватилъ свой бубенъ. Онъ всталъ передъ большимъ деревяннымъ идоломъ. Сначала тихо и рѣдко, потомъ все громче и чаще, наконецъ, изо всѣхъ силъ заколотилъ онъ по бубну колотушкой. Странные звуки глухо отдались въ лѣсу. Имъ вторили протяжные крики шамана и голоса всѣхъ молящихся.

«Ко-о-о! ко-о-о!» — разносилось по темной дубравѣ.

Такъ призывались духи. И казалось людямъ среди мрака лѣса, что дѣйствительно слетаются духи и рѣютъ надъ толпою.

— Я упросилъ вѣстника неба явиться между нами, но когда онъ будетъ здѣсь, не знаю...— глухо проговорилъ шаманъ.—Ждите.

И опять раздался бой бубна.

— Вотъ, я вижу его, онъ говоритъ со мной. Онъ говоритъ: «Пускай добрые надѣются на помощь мою, а злые страшатся. Смотря по тому, кого будетъ больше при ловлѣ—добрыхъ или злыхъ, пойдетъ рыба или уйдетъ рыба. Русскіе люди получатъ свое, вы же получите свое».

Шаманъ закружился, закричалъ, покатился по землѣ, вскричалъ и ударилъ по головѣ лошадь, обреченную въ жертву. Остальные остяки пустили въ нее стрѣлы и добили ее кольями. Они старались поскорѣе убить животное. Скорая смерть жертвы, по ихъ мнѣнію, угодна идолу. Изъ животнаго вынули сердце, выпустили кровь... Ею обмазали губы идолу. Потомъ всѣ напились крови жертвы, поѣли сырого жертвеннаго мяса... Кожу убитой лошади съ головой и ногами повѣсили на дерево, вблизи идола.

Всѣ вещи, которыя привезли въ даръ богу, сложили около идола, обвѣсили его мѣхами и разъѣхались по домамъ.

5.

Жизнь поселка потекла прежнимъ порядкомъ. Только осенью, послѣ Покрова, когда рѣки стали покрываться льдомъ, уже и рыболовамъ пришлось оставить сѣти, бросить рыбу и отправиться съ лукомъ на охоту по пушному звѣрю.

Остяки больше любятъ лукъ и стрѣлы, чѣмъ ружье. Выстрѣлы ружья сильно пугаютъ міръ маленькихъ лѣсныхъ звѣрьковъ; бѣлку же огнестрѣльное оружіе портитъ. Ее надо стрѣлять стрѣлами съ широкимъ пуговчатымъ концомъ. И соболя стрѣляютъ изъ лука. Охота за нимъ очень трудна. Соболь—звѣрь быстрый и ловкій, мелькаетъ то тамъ, то здѣсь, а стрѣлять надо непремѣнно въ голову, чтобы не попортить шкурки...

Впрочемъ нынче соболя въ остяцкомъ краѣ, почитай, вовсе перевелись. Какъ у рыболова вмѣсто денегъ идетъ рыба максунъ, такъ у охотника вмѣсто денегъ идетъ бѣличья шкурка. За аршинъ ситца отдаетъ онъ 3—4 бѣлки (каждая бѣлка стоитъ копѣекъ десять); за аршинъ солдатскаго сукна не менѣе 20 бѣлокъ, т. е. рубля два.

Много надо стрѣлять звѣрьковъ, чтобы одѣться и прокормиться! Между тѣмъ русскіе стали вырубать лѣса, лѣсные пожары превращаютъ сотни верстъ прекраснаго лѣса въ негодную гарь... Пушное богатство, какъ и богатство рыбное, уменьшается,

исчезаетъ съ году на годъ, и остякъ все бѣднѣетъ да бѣднѣетъ. Чтобы прожить сносно, надо ему теперь вдвое противъ прежняго труда и выносливости.

Зимой на охоту.

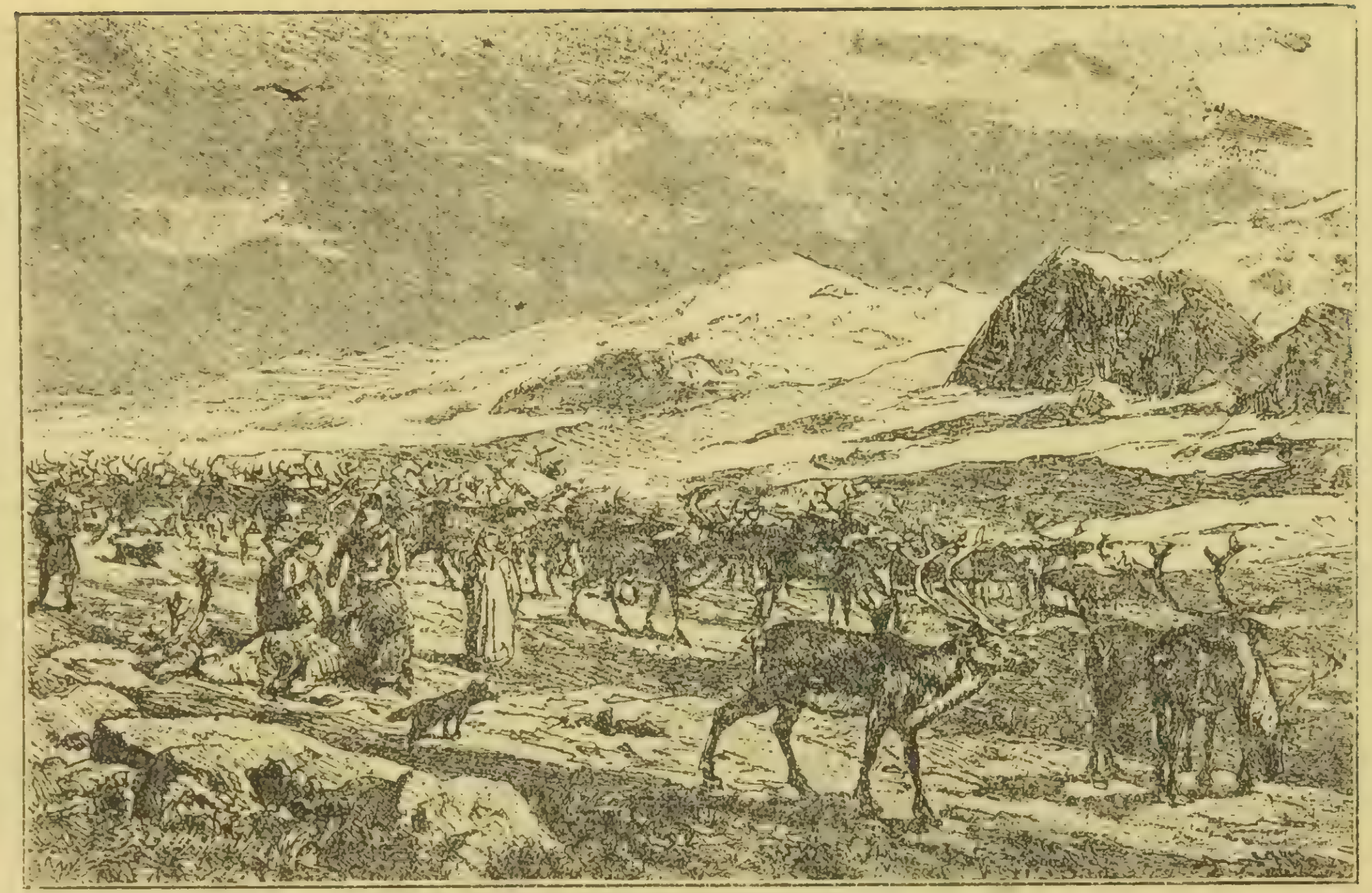
II. Остяки-кочевники.

Привольнѣе, богаче осѣдлаго остяка живетъ остякъ-кочевникъ. Онъ не служитъ наемникомъ у русскаго промышленника. Его кормятъ оленьи стада. И къ нему нерѣдко подкрадывается тяжелая забота, но у него есть хоть проблески довольства и счастья. И въ богатствѣ, и въ бѣдности онъ, по крайней мѣрѣ, чувствуетъ себя менѣе зависимымъ... отъ другихъ людей. Зато олень для остяка-кочевника—и кормилецъ, и вмѣстѣ—сущій хозяинъ. Остякъ подчиненъ своимъ оленямъ. Олень идетъ за ѣдою; остякъ идетъ за оленемъ.

Сибирскій олень—послушное, услужливое, привязанное къ человѣку, довѣрчивое животное. Олень служитъ своему хозяину и мясомъ своимъ—для ѣды, и костями, рогами—для утвари; жилами—для шитья кожъ; кожей и мѣхомъ—для платья. Только молокомъ и кишками оленя не пользуется остякъ. Другіе инородцы русскаго сѣвера питаются оленьимъ молокомъ. Олень перевозитъ остяка, его семью, и чумъ съ одного мѣста на другое и зимой, и лѣтомъ. На оленѣ ѣдетъ остякъ на смотрины невѣсты, на праздникъ, на охоту; на немъ отвозитъ своего покойника къ могилѣ; его закалываетъ въ честь своихъ гостей, въ жертву своимъ богамъ.

*

Прежде, чѣмъ наступаетъ короткое лѣто, прежде даже, чѣмъ пронесется первое вѣяніе весны, олени



Стадо оленей пасется плотной кучкой.

приносятъ своихъ телятъ—«пыжиковъ». Тогда необходимо найти удобное пастбище для старыхъ и для молодыхъ животныхъ. Остякъ идетъ къ гребнямъ горъ. Тамъ яростная зимняя вьюга нѣсколько обнажила землю отъ снѣга. Широкое копыто оленей легче добирается до оленьяго моха. Остякъ разбиваетъ чумъ и остается здѣсь, пока стадо не пріѣстъ окрестный мохъ. Когда мохъ съѣденъ, оленеводъ снимается съ мѣста и переходитъ дальше.

Это время—хорошее время для остяка. Стада пасутся плотными кучками. Пыжики охраняются заботливыми старыми животными и не отходятъ далеко отъ чума. Остяку легко собирать ихъ передъ солнечнымъ закатомъ. Правда, ночью крадется къ нимъ волкъ, но собаки на сторожѣ и не подпускаютъ хищника.

Собака для остяка—вѣрный другъ, сторожъ дома и стада. Постоянное общество человѣка сдѣлало остяцкую собаку очень умной и крайне добродушной. Она бдительна, но не злобна, смѣла, но не задорна, вѣрна и усердна. Съ недовѣріемъ встрѣчаетъ она только чужого человѣка, но идетъ къ нему съ полной довѣрчивостью, когда видитъ, что онъ съ хозяиномъ входитъ въ чумъ. По приказанію хозяина она безъ жалобъ останется внѣ чума на вѣтру и въ непогоду; не задумываясь бросается въ холодную воду рѣки, бѣжитъ безъ устали черезъ болота и топи позади саней; сторожитъ въ чумѣ хозяйское кушанье, когда

ей самой страстно хочется ѣсть: промышлять сама себѣ ѣду, какъ только услуга ея не нужна. Даже послѣ смерти она еще служитъ хозяину — отдаетъ ему свой превосходный, прочный мѣхъ. Иные остяки держатъ множество собакъ изъ-за мѣха.

*

Но вотъ сбросила рѣка свой зимній покровъ. По странѣ несутся теплые вѣтры. Земля обнажается отъ снѣга. Въ долинахъ пышно разрастается зелень, и онѣ становятся раемъ для оленевода и его стада... Однако не надолго! Солнце грѣетъ все сильнѣе и сильнѣе, земля отталкиваетъ, и въ тундрѣ нарождается несчетное множество комаровъ и оводовъ. Комаровъ такъ много, что кажется, будто они слетѣлись со всего свѣта. Изъ края въ край надъ огромнымъ стадомъ какъ бы нависла непроницаемая сѣть. Все это комары. Они немилосердно жалятъ оленей. Средь нихъ мелькаютъ черныя пятна. Это большіе овода кидаются изъ стороны въ сторону и садятся оленямъ на спину. Овода еще страшнѣе комаровъ. Какъ только олень почувствовалъ овода, онъ испуганно вздрагиваетъ, мечется, становится на дыбы, лягается, старается прогнать мучителя. Но оводъ сидитъ плотно на мѣстѣ. Онъ приклеиваетъ къ оленьей шерсти множество мелкихъ яичекъ. Черезъ два—три дня изъ нихъ вылупятся маленькіе бѣлые червячки. Они глубоко пробьютъ оленью кожу и найдутъ себѣ гнѣздо въ живомъ мясѣ.

Другіе овода—помельче подлетаютъ къ носу

животнаго и брызгаютъ ему въ ноздри тонкую струю жидкости. Въ ней множество мелкихъ, вертлявыхъ червячковъ величиною съ крошечную булавочную головку! Олень принимается отчаянно чихать, трется посомъ о землю, но червячки упорно пробираются все дальше и дальше, въ самое горло животнаго, а тамъ буравятъ хрящъ и залегаютъ въ немъ.

Пастухи разводятъ костры. Олени лѣзутъ чуть не въ самое пламя, отгоняютъ другъ друга отъ струи дыма, надѣясь найти въ ней защиту отъ насѣкомыхъ.

— Бѣдные олени!—вздохнулъ одинъ пастухъ. Онъ сидѣлъ въ самомъ дыму и мало страдалъ отъ комаровъ.

— И зачѣмъ это Торымъ сотворилъ такую нечисть?

— Вовсе не Торымъ! — отозвался другой остякъ.—Сталъ бы Торымъ создавать такую дрянь! Комаровъ создали злые духи водъ—«кули». Я слышалъ, еще бабушка разсказывала: «Когда Торымъ творилъ свѣтъ, онъ создалъ сперва землю, потомъ оленя съ человѣчьей головой, потомъ собакъ, волковъ, песцовъ. Потомъ онъ взялъ горсть земли, потеръ между ладонями и вылетѣли всѣ крылатыя твари—гуси, лебеди, куропатки. А кули набрали оленьяго помета, потерли между ладонями, и вылетѣли изъ рукъ ихъ комары, оводы, слѣпни...

— Смотри-ка,—перебилъ пастухъ,—вонъ тотъ пыжикъ, кажется, захромалъ.

Пастухъ осторожно подобрался къ пыжику и схватилъ его сзади. Маленькое животное рванулось изъ рукъ, но пастухъ стиснулъ ногу его между колѣнами и сталъ разглядывать копыто.

— Надрѣзать надо!—рѣшилъ пастухъ,острымъ ножемъ срѣзалъ кусочекъ мягкаго копытца и надавилъ вокругъ надрѣза. Вытекла капля крови, а потомъ показался свѣтлый гной.

— Эге! Поди сюда, погляди!—крикнулъ онъ товарищу.—Никакъ привязалась «хромая».

— Что ты!

Остяки стали съ озабоченнымъ видомъ оглядывать пыжиковъ.

Еще у двухъ или трехъ оказалась «хромая».

— Эти всѣ сдохнутъ!—грустно сказалъ пастухъ по-старше, человѣкъ опытный.

— Что же! Если такъ, лучше прикончимъ ихъ.

Привычной рукой пастухи приkололи больныхъ и сдали въ чумъ. Другихъ, здоровыхъ выпустили. Пыжики убѣжали со всѣхъ ногъ.

—Только бы эти уцѣлѣли,—говорили пастухи.—Жаль будетъ, коли пропадутъ.—Хорошо, красиво вылиняли. Всѣ черные! Скоро станутъ жирѣть.

*

Отъ множества комаровъ, оводовъ одно спасеніе—перебраться изъ низины повыше «въ горы». Тамъ не такъ сыро, какъ въ низинахъ, потому и комаровъ меньше. Перебраться въ горы заставляетъ и быстро наступающее лѣто. Олени лѣтняго жара

не выносятъ. Они совсѣмъ бѣсятся отъ жары, убѣгаютъ съ пастбищъ за прохладой куда глаза глядятъ. Потому остяки спѣшно перекочевываютъ къ горамъ. А тутъ еще «хромая» водворилась въ стадѣ! Болѣзнь все усиливается и грозитъ погубить всѣхъ пыжиковъ. Оленеводамъ приходится плохо: нужно бѣжать въ догонку за стадомъ, отыскивать отбившихся пыжиковъ, слѣдить за хромыми, и въ то же время короткими дневными переходами, безъ лишней задержки подвигаться къ горамъ.

Едва ночная роса обсохнетъ на мхѣ, на кустарникѣ, женщины уже складываютъ чумъ. Онѣ поставили его только вчера, а сегодня уже снова грузятъ сани домашнимъ скарбомъ. Хозяинъ тѣмъ временемъ безъ промаха набрасываетъ аркань на нѣсколькихъ оленей, захватываетъ ихъ за шею или за рога, приводитъ къ разбросанному чуму и запрягаетъ парами въ сани. И зимой, и лѣтомъ кочевникъ-остякъ ѣздитъ въ саняхъ. Ѣзды на колесахъ онъ не знаетъ. Длинной вереницей тянутся сани съ семьей остяка. Вокругъ олени. Около нихъ скачутъ собаки, лаютъ, не даютъ, поскольку могутъ, разбѣгаться стаду. Упряжныя животныя охаютъ и стонутъ. Идутъ до вечера. Но вотъ солнце склоняется... Пора становиться на новый привалъ. Опять женщины разставляютъ жерди, покрываютъ ихъ корой—ставятъ чумъ, готовятъ ужинъ, вѣшаютъ пологи отъ комаровъ. Черезъ короткое время, кромѣ дежурныхъ при стадѣ, всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ. Слышенъ только время отъ времени крикъ пастуха:

— Го-гокъ! Гокъ! Гокъ!

Такимъ крикомъ пастухи сгоняютъ оленей въ кучу.

*

Не одна «хромая» губитъ стада остяковъ, лишаетъ ихъ покоя, нагоняетъ горькую нужду, въ одну зиму богача обращаетъ въ бѣдняка.

Пріѣхали какъ-то путешественники въ землю остяковъ и пришлось имъ отъ чума до чума идти пѣшкомъ. Съ чрезвычайнымъ трудомъ шагали они по болотамъ, по трясинамъ. Десятки безыменныхъ озеръ и топей чередовались передъ ними. Наконецъ, въ подзорную трубу увидали они два чума. Обрадовались путники.

— Хозяева запрягутъ намъ оленей и далѣе пѣшкомъ уже итти не придется.

Подошли они къ чуму... и остановились въ ужасѣ. Около чума стояло только нѣсколько живыхъ оленей. Труповъ восемьдесятъ валялось на землѣ. Тутъ же лежали олени и ихъ дѣтеныши въ послѣднихъ судорогахъ. Другіе, видимо больные, подходили къ чуму, поближе къ человѣку, какъ будто искали у него помощи и защиты. Широко раскроютъ глаза, перекрестятъ переднія ноги, закачаются, застонутъ и упадутъ. Бѣлая слизь выступитъ около губъ, около носа... Наступаетъ смерть. Пыжики беззаботно пасутся около мертвыхъ матерей, съ мычаніемъ обнюхиваютъ ихъ и... тоже заражаются, умираютъ.

Въ рогатомъ стадѣ свирѣпствовала самая страшная изъ всѣхъ болѣзней скота—«сибирская язва». Она губитъ безъ пощады, безъ разбору. Всѣ средства противъ нея безсильны.

Среди умирающихъ и мертвыхъ животныхъ мечутся хозяева. Попади капелька крови или пузырекъ пѣны въ ихъ кровь,—и они погибнутъ въ ужасныхъ страданіяхъ. Но... не пропадать же олеными шкурамъ! За нихъ, въ свое время, въ русскомъ городѣ дадутъ нужный товаръ, потому остяки сдираютъ шкуры съ мертвыхъ животныхъ. Зараженная шкура таитъ въ себѣ заразу еще нѣсколько недѣль послѣ того, какъ снята. Между тѣмъ остяки не только сдираютъ шкуры, но поѣдаютъ мясо павшихъ оленей. Зато и мрутъ остяки то и дѣло отъ сибирской язвы.

Остяки—народъ веселый, любятъ пошутить, посмѣяться... но въ годы такихъ бѣдствій имъ не до смѣха, не до шутокъ! Въ такіе годы, у остяковъ только и рѣчи, только и думы, что о тяжкой бѣдѣ.

Собравшись вмѣстѣ, разсказываютъ они другъ другу, кто что слыхалъ о подобныхъ бѣдствіяхъ въ минувшіе годы.

...Когда пришла вѣсть о падежѣ,—вспоминалъ въ одномъ чумѣ старый остякъ,—кочевалъ я въ горахъ. Я какъ разъ собирался спуститься въ долины, но остался на верху, и Богъ долго миловалъ меня. И я возгордился своимъ умѣніемъ оберегать скотъ, осуждалъ тѣхъ, что торопливо спустились въ ни-

зины... Вдругъ разъ ночью разбудилъ меня трепетъ сердца. Вышелъ я изъ чума, смотрю—сто оленей пало за разъ. Не дожидаясь свѣта, въ ту же ночь мы снялись съ мѣста. Мы бѣжали, а стада все таяли. Я раздѣлилъ остатокъ ихъ на три части, разослалъ въ разныя стороны съ сыновьями. Черезъ нѣсколько дней вернулись сыновья безъ оленей.

— Есть же гдѣ нибудь мѣсто, гдѣ нѣту мора!— рѣшилъ я, и пошелъ искать спасенія къ самому берегу холоднаго моря. Я ничего не бралъ отъ павшихъ оленей,—помнилъ, что русскіе купцы говорятъ: «Не хорошо брать у мертваго». Шелъ я съ семьею дальше и дальше. Зашелъ такъ далеко, что самъ испугался. Тутъ ужъ не было деревьевъ, не было даже порядочныхъ кустовъ. Негдѣ было взять жердей для палатки. Зато олени были цѣлы. Только дѣти захворали отъ устали и умерли. Было насъ много, а осталось мало. А все-таки Богъ помогъ, уцѣлѣли оставшіеся олени, уцѣлѣлъ и я съ женой. уцѣлѣлъ одинъ сынъ...

*

Снѣгъ рано выпадаетъ на высотахъ. Уже въ августѣ напоминаетъ онъ оленеводу о возвращеніи въ низины. Начинается медленное, но болѣе удобное, обратное странствованіе хозяина и его стада. Остякъ возвращается туда, откуда ушелъ весною. Сюда свозитъ онъ всю добычу, собранную за лѣто, всѣ шкуры пыжиковъ и оленей, всѣ мѣха убитыхъ

попутно звѣрей. Отсюда же ѣдетъ онъ со своимъ товаромъ на ярмарку въ русскій городъ Обдорскъ.

III. Всѣ вмѣстѣ.

„Приходи-ка, моя барышня,
Ты катись, груша зеленая,
Прилетай-ка, моя ласточка,
Проблесни, искра алмазная“.
И отвѣтъ держала дѣвица—
Отвѣчала свѣтъ-Натальюшка:
„Если-бъ я была боярышня,
Я ходила-бы со мамками;
Если-бъ я была груша зеленая,
Я-бъ висѣла въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду у батюшки;
Если-бъ я была ласточка,
Я-бъ летала во синемъ небѣ;
Если-бъ я была искра алмазная,
Я была бы въ золотомъ перстнѣ,
Въ золотомъ перстнѣ у молодца
У Дмитрія у Иваныча“.

Поютъ эту свадебную пѣсню подруги невѣсты въ суровую зиму въ самомъ сѣверномъ городѣ Тобольской губерніи—въ городѣ Обдорскѣ.

И лѣтомъ дики и непривлекательны окрестности Оборска. Кругомъ моховыя болота, перелѣски корявой березки, низкорослой ели. Только у одного хозяина въ огородѣ на южномъ берегу рѣки, что впадаетъ въ Обь, поспѣваетъ плохая картошка и рѣпа. Зимою же кругомъ города раскидывается без-

конечная бѣлая снѣжная пелена. Она на свѣжаго человѣка навѣваетъ унынiе и тоску. А въ Обдор-

Остячка зимою.

скѣ-городкѣ зима—какъ разъ самое веселое время. На святкахъ рядятся, водятъ хороводы, въ январѣ играютъ свадьбы, открывается ярмарка. Съѣзжаются

на ярмарку русскіе кущцы, съѣзжаются жители дальнихъ береговъ Оби—остяки-рыболовы; съѣзжаются остяки-оленеводы. Остяки и остячки одѣты въ лучшія праздничныя одежды. Зимою носятъ они рубашку изъ оленьяго мѣха шерстью внутрь, отороченную волчьимъ или собачьимъ мѣхомъ съ длинной бѣлой шерстью. Къ рубахѣ пришиты капюшонъ для головы и рукавички. Такая рубашка зовется «малица». Открытымъ остается только лицо. «Малицы» носятъ и мужчины, и женщины. Въ дорогу или въ большіе морозы сверху малицы надѣваютъ «гусь». Это та же малица, только мѣхомъ наружу. Человѣкъ въ гусѣ похожъ на медвѣдя. На ногахъ «пимы»—валенки шерстью наружу. Подъ ними «чижи»—мѣховые чулки шерстью внутрь. Пимы иной разъ подобраны изъ мѣха различныхъ цвѣтовъ. Кругомъ ступни вставлена бѣлая полоска. Подошва сдѣлана изъ шкурокъ съ оленьихъ лбовъ или изъ жесткаго мѣха изъ-подъ копытъ. Вмѣсто гуся на праздникъ, на ярмарку, надѣваютъ «парку». Она вся разукрашена узорами изъ разноцвѣтныхъ мѣховъ или суконныхъ полосокъ. Женскіе мѣховые чепцы съ большой обшивкой изъ собачьяго мѣха тоже убраны суконными лентами, лоскутками. Къ нимъ привѣшено множество украшеній...

*

Задолго до открытія ярмарки въ Обдорскѣ, за городомъ, на бревнахъ, на огородѣ пригороднаго кладбища неподвижно сидятъ русскіе люди и пристально вглядываются въ безконечную даль снѣжной

равнины. Это—зазывальщики. Вонъ вдали показались сани (нарты) остяковъ-рыболововъ... А вотъ везутъ остяки и пушной товаръ... А тамъ, съ другой стороны тянется линія саней кочевыхъ остяковъ. Везутъ и они пушной товаръ, везутъ оленьи шкуры, везутъ и мерзлое мясо оленей. Не успѣли остяки доѣхать до Обдорска, какъ зазывальщики срываются съ мѣста. Ястребами налетаютъ они на добычу:

— Продай мнѣ!

— Нѣтъ, я возьму!

— Иди къ моему хозяину: онъ много дастъ!

— Мой водки дастъ, иди къ нему!

Тащатъ остяка въ домъ къ кому-нибудь изъ обдорскихъ скупщиковъ. Встрѣчаютъ его здѣсь радушно. Угощаютъ мерзлой рыбой, олениной, рыбьимъ жиромъ, а прежде всего водкой. Какая это водка—лучше и не говорить!

Разсказываютъ про одного купца: «Купилъ онъ двадцать ведеръ водки за сто рублей, распродалъ за шестьсотъ! Давалъ сначала остякамъ по чашкѣ хорошей водки даромъ. Первую бутылку продалъ за рубль, потомъ двѣ вторыя съ водою—по полтора. Когда остяки были уже пьяны, онъ продавалъ имъ чуть ли не чистую воду по три рубля за бутылку».

Остякъ сидитъ въ гостяхъ у торговца прямо на полу. Вся семья съ нимъ. Ѣдятъ, а больше того пьютъ. Поятъ остяка именно, чтобы онъ былъ податливѣе при торгѣ. Пьяный онъ на все пойдетъ,

товаръ свой продастъ за безцѣнокъ. На вырученныя деньги тутъ же купитъ печенаго хлѣба на нѣсколько мѣсяцевъ въ прокъ; закупитъ муки, чаю, прихватитъ нѣсколько фунтовъ сахара да и съѣстъ почти все сразу. Остяки—и мужчины, и женщины очень любятъ сладкое. На что не хватитъ денегъ, то остякъ возьметъ въ долгъ подъ большіе проценты. Крупный долгъ выплатишь не скоро. Проходятъ годы, а остякъ все въ долгу. Но за нимъ долги не пропадаютъ. Умретъ самъ—сынъ, внукъ платитъ. Купецъ на остяковъ насчитываетъ, а они, по честности своей, вѣрятъ ему на слово и все платятъ, платятъ...

Обездоленнымъ, ограбленнымъ возвращается остякъ съ Обдорской ярмарки въ свой печальный поселокъ.

Да, тяжко живется добродушнымъ, честнымъ остякамъ. Русскіе торгаши тѣснятъ, спаиваютъ ихъ; губятъ ихъ болѣзни; меньше звѣря въ лѣсахъ, хуже ловится рыба въ Оби и ея притокахъ, оленей изводятъ повальные падежи... И становится годъ отъ году остяковъ все меньше да меньше... Они вымираютъ.

Областная библиотека им. Ленина Горький

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“. Спб. Знаменская 27.

IV. Земля и люди.

83. Деполовичъ, К. *Къ Средиземному морю.* 40 к. **89. Лавровъ. М.** *Нужда гонитъ.* 10 к. **90. Богдановскій, А.** *Какъ Петръ Захарычъ переселялся.* 20 к.

V. Исторія.

87. *Царь Дарій и его царство.* 15 к. **95. По Бульверу.** *Король Гарольдъ.* Историческая повѣсть въ двухъ част. Съ введеніемъ «Изъ исторіи Англіи». 50 к. **96. По Тьери и Диккенсу.** *Завоеватель и его наслѣдники.* 12 к. **99. Поліевктовъ, М.** *Владимиръ святой.* 12 к.

СЕРІЯ ТРЕТЬЯ (кн. 101—120). Цѣна всей серіи 3 р. 20 к.

I. Повѣсти и разсказы.

101. Мордовцевъ, Д. Л. *Сердце не камень.* Со вступительн. статьею. «*200 лѣтъ назадъ*». 10 к. **102. Немировичъ-Данченко, В. И.** *Близнецы.* 15 к. **103. Немировичъ-Данченко, В. И.** *Пріемышъ отца Веденея.* 25 к. **104. Слѣпцова, М.** *Въ поискахъ за безсмертіемъ.* 5 к. **105. По Ибсену.** *Докторъ Штокманъ.* Повѣсть 30 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

114. Краббъ, Г. *Поздно.* Два разсказа. 12 к.

III. Естествознаніе.

106. Слѣпцова, М. *Взаимная помощь у животныхъ.* 10 к. **107. Слѣпцова, М., Станюковичъ** и др. *Тигръ.* 15 к. **113. Слѣпцова, М.** *Обманщики.* 8 к. **115. Лавровъ, М.** *Пожары.* 25 к. **116—117. Слѣпцова, М.** *Разгаданныя тайны изъ жизни растеній:* I. Какъ растенія поѣдаютъ насѣкомыхъ. 8 к. II. Слуги растеній. 10 к. III. Какъ растенія сѣютъ. 7 к.

IV. Земля и люди.

111. Смирновъ, А. П. *Вогулъ Никита.* 15 к.

V. Исторія.

108. Слѣпцовъ, А. *Маркъ Поло и его странствованія.* 25 к. **109. Слѣпцовъ. А.** *По морю до Индіи.* 25 к. **110. Слѣпцовъ, А.** *Какъ открыли Новый Свѣтъ.* 30 к. **112. Крыловъ, В. Н.** *Господинъ великій Новгородъ.* 25 к. **119. Оксъ, В. Б.** *Дѣва орлеанская.* 20 к

СЕРІЯ ЧЕТВЕРТАЯ (кн. 121—140). Цѣна всей серіи 3 р. 8 к.

121. Слѣпцова, М. *Комаръ.* 8 к. **122. Оржешко, Э.** *Коробейникъ.* 10 к. **123. Конопницкая, М.** *Жидъ.* 5 к. **124. Слѣпцова, М.** *Счастливый день* (изъ быта чукчей). 10 к. **125. Слѣпцова, М.** *Остановка* (изъ быта коряковъ). 8 к. **126. Слѣпцова, М.** *Женитьба Михайлы* (изъ быта якутовъ). 10 к. **127. Слѣпцова, М.** *У остяковъ* 10 к. **128. Слѣпцова, М.** *Съ весны до весны* (бытъ лопарей). 15 к. **129. Киплингъ, Р.** и др. *Эскимосы.* 20 к. **130.** *Москва и Тверь* (историческая повѣсть). 35 к. **131. Коропчевскій, Д.** *Древніе люди.* 20 к. **132. Коропчевскій, Д.** *Дикіе люди* 25 к. **133. Исаевъ, М.** *Первый разъ вокругъ свѣта.* 20 к. **134. Нарская, В.** *Швейцарія и швейцарцы.* 40 к. **135.** *Швейцарскіе разсказы* 8 к. **136. Львова, Л.** *На своихъ ногахъ* (изъ жизни самоѣдовъ). 20 к. **137. Ледлау.** *Стрѣлочникъ Лизъ.* 7 к. **138. Слѣпцова, М.** *Кто побѣдилъ* (изъ исторіи воздухоплаванія). 10 к. **139. Эліотъ, Дж.** *Не въ деньгахъ счастье.* 10. к. **140.** *Вильгельмъ Телль.* 20 к.

СЕРІЯ ПЯТАЯ (кн. 141—160). Цѣна всей серіи 2 р. 14 к.

141. *Дѣти Ревекки.* 10 к. **142. Форестье.** *Калѣка.* 10 к. **143. Ледлау.** *Малолѣтокъ* 5 к. **144. Шатріанъ.** *Исторія одного крестьянина.* 15 к. **145. Шатріанъ.** *Рекрутъ 1813 г.* 10 к. **146. Шатріанъ.** *Тереза.* 12 к. **147.** *При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.* 15 к. **148. Мичурина.** *Кошка.* 8 к. **149. А. С.** *Бесѣды о землѣ и небѣ.* 20 к. **150. Франко, И.** *У окна.* 8 к. **151. Пруссъ, Б.** *Олимахъ.* 15 к. **152. Гюго, В.** *Возставшій рабъ.* 15 к. **153. Додэ, А.** *Необдуманный поступокъ* 8 к. **154. Слѣпцова, М.** *Защита жизни,* 8 к. **155. Слѣпцова, М.** *Морскія чудеса.* 8 к. **156. Конъ.** *Общество клѣтокъ.* 6 к. **157. Слѣпцова, М.** *За золотомъ по Амуру.* 8 к. **158. Шрейнеръ, О.** *Петръ Холькетъ.* 7 к. **159.** *Гусъ.* 13 к. **160.** *Гуситы.* 13 к.

СГ

СЕРІЯ ШЕСТАЯ (кн. 161—180). Цѣна всей

161. Гаршинъ, В. *Медвѣди.* 5 к. **162. Златовратскій, Н.** *Дереве*
Пруссъ, Б. *Антекъ.* 9 к. **164. Гомулицкій, В.** *Въ бричкѣ.* 7 к. **165.**
166. Волкова, Е. *Русскій печатникъ.* 12 к. **167. Рукавишниковъ,**
берга), 8 к. **168. Слѣпцовъ, А.** *Бироновщина.* 12 к. **169.** *Бесѣды о в*
170. *Бесѣды о землѣ и небѣ.* Кн. 3-ья. 10 к. **171.** *Бесѣды о землѣ*
172. Дмитріева, В. *Человѣкомъ сталъ.* 7 к. **173. Бахтіаровъ, А.** *Лис*
цова, М. *Ожившее яйцо.* 15 к. **175. Лавровъ, М.** *Прежде и теперь.*
Стекло. 15 к. **177. Нарская, В.** *Страна утренняго покоя (Корея).* 3
скій, А. *Живой свѣтъ.* 12 к. **179. Копъ.** *Друзья и враги.* 12 к. **1**
Кормилица. 10 к.

СЕРІЯ СЕДЬМАЯ (кн. 181—200). Цѣна всей серіи 3 р. 26 к.

181. Гринвудъ, Д. *Маленькій оборвы*. 25 к. **182. Зандъ, Ж.** *Страшный великанъ.* 8 к. **183. Ибаньесъ, Б.** *Проклятое поле.* 8 к. **184. Кононицкая, М.** *Юзикъ.* 8 к. **185. Честеръ, Дж. и Ледлау, Дж.** *Двѣ стачки.* 12 к. **186.** *Раздумье.* Кн. 2-я. 8 к. **187. Фаворскій, В.** *Пчелы.* 5 к. **188—189. Нарская, В.** *Японія и японцы.* 2 кн., по 20 к. **190.** *Добрый смѣхъ—на ерѣхъ.* Кн. 3-я. 15 к. **191. Святловскій, Е.** *Дитя солнца.* 10 к. **192. Слѣпцова, М.** *Завоеваніе Мексики.* 25 к. **193. Табуринъ, М.** *Золотой ноготь.* 40 к. **194. Шарковъ, В. В.** (б. зем. агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Сѣверныя губерніи. 18 к. **195. Шарковъ В. В.** (б. зем. агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Среднія губерніи. 18 к. **196. Шарковъ, В. В.** (б. зем. агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Южныя губерніи 18 к. **197. Святловскій, Е. Е.** *Муха.* 15 к. **198. Агинскій, Б. Р.** *Борисъ Годуновъ* и *Лжедимитрій I.* (Смутное время въ Московскомъ Государствѣ). Книжка 1-ая. 20 к. **199.** *Борцы за вѣру* (Гугеноты). 18 к. **200. Слѣпцова, М.** *Голосистые вѣстники весны.* 15 к.

СЕРІЯ ВОСЬМАЯ (кн. 201—220). Поступили въ продажу:

201. Мультатули. *Сандья съ о-ва Явы.* **Бретъ Гартъ.** *Счастье Ревущаго стана.* 8 к. **202. Маркъ Твенъ и др.** *Кружокъ смерти. Сидѣлка. Дрянной мальчишка.* 10 к. **203. Б. Р. Агинскій.** *Царь Василій Шуйскій и Тушинскій Воръ.* 13 к. **204. А. Ирасекъ.** *Песьи головы.* (Истор. повѣсть). 28 к. **205. Н. Виташевскій.** *Вѣрованія первобытнаго человѣка.* 15 к. **206. В. Нарская.** *Голландія и голландцы.* Книжка 1-ая. 15 к. **207.** *Тоже.* Книжка 2-ая. 20 к. **208. Каанъ.** *Жизнь маленькаго голландскаго городка.* 7 к. **209. А. Грушецкій.** *Тамъ, гдѣ кончается Висла.* (По ѣсть). 30 к. **210.** *Изъ жизни.* Сборн. стихотвореній. 22 к. **211. Д. Ледлау.** Гризель съ рынка. 6 к. **212. Уйда, Бретъ Гартъ.** *Свадебное блюдо. Кромка.* 12 к. **213. Джэкъ Лондонъ. Эйльбэкъ.** *«Руби» и Руби. Патруль.* 10 к. **214. А. Дроздовичъ.** *По воронѣ.* 5 к.

Дальнѣйшія книжки печатаются.

Напечатана «ДЛЯ МЛАДШИХЪ» книжка перваго возраста. Цѣна 40 к.
(Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ школы и читальни).

Главный складъ *и редакція изданій М. Н. Слѣпцовой (Петроградъ, Симбирская, 12).*

Изданіе «Книжка за книжкой» удостоено **высшей награды** на первой земской выставкѣ по народному образованію въ г. Курскѣ въ 1902 г. и **большихъ серебряныхъ медалей** на выставкахъ «Сѣверный край» въ Ярославѣ (1903 г.), по техническому образованію (1903 г.) и «Дѣтскій міръ» (1904 г.) въ Петроградѣ; **золотой медали** на международной выставкѣ въ Парижѣ (1904 г.), **большой серебряной медали** на выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка» (1909 г.) въ Петроградѣ.

Кн. 127-ая.

ВРЕМЕННАЯ Ц
Дб

Тип. Т-ва п. ф. „Эл-Тип. Н. Я. Стойковой". Петроградъ. Знаменская, 2